

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

D
508
F 5

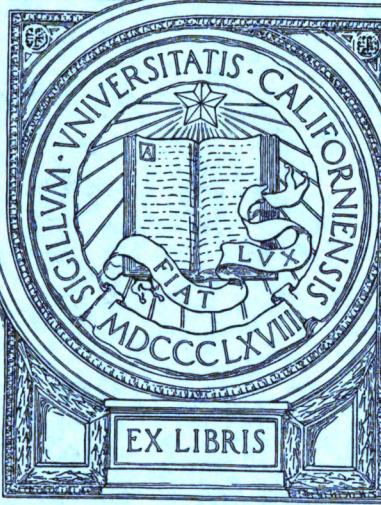
UC-NRLF

B 4 570 701

YD 19476

FROM THE LIBRARY OF
PAUL N MILIUKOV

Prof. Ильину
от автора

Prof. I. P. Fil'evich
ПРОФ. И. П. ФИЛЕВИЧЪ.

Угорская Русь
УГОРСКАЯ РУСЬ

I sviazzannye s neю voprosy i zadachi russkoj
и связанные съ нею вопросы и задачи русской
istoricheskoi nauki
исторической науки.

ramati
памяти

Юрий Venetina
ЮРИЙ ВЕНЕЛИН

Varshava
ВАРШАВА.

ТИОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕВНОГО ОКРУГА.
Королевская ул. № 13.

1894.

MILIKOV LIBRARY

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED
— 5 1935

ПРОФ. И. П. ФИЛЕВИЧЪ.

УГОРСКАЯ РУСЬ

и связанные съ нею вопросы и задачи русской
исторической науки.

ПАМЯТИ

ЮРИЯ ВЕНЕЛИНА.

UNIV. OF
CALIFORNIA

ВАРШАВА.
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Королевская ул. № 13.

1894.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ *И. Щелковъ*.

MILUKOV LIBRARY

NO VIII
ARCHITECTURE

~~~~~  
Отдѣльный оттискъ изъ „Варшав. Универ. Изѣстій“ № V, 1894 г.  
~~~~~

UNIV. OF
CALIFORNIA

DK508
F5

УГОРСКАЯ РУСЬ

и связанные съ нею вопросы и задачи русской историче-
ской науки.

Памяти Юрія Венелина¹⁾.

Угорская Русь занимаетъ съверо-восточную часть террито-
рії угорскаго королевства. Границы ея составляютъ: на съверѣ
и востокѣ — политическая граница Угріи съ Галиціей и Букови-
ной, на западѣ — крайніе отроги лѣсистаго Бескида, на югѣ — горы
Сатмарскія и Тиса.

По вычислению Бидермана, пространство это заключаетъ въ
себѣ 340 — 380 кв. австрійскихъ миль. Часть его, непосред-
ственно примыкающая къ Галиції съ Буковиной (комитаты: Са-
рошкій, Земценкій, Унгварскій, Бережско-Угочскій и Марама-
рошкій), приблизительно 200 кв. миль, занята и въ настоящее
время почти сплошнымъ русскимъ населеніемъ. Въ комитатахъ:
Спишскомъ, Абауйско-Торнайскомъ, Саболчскомъ и Сатмарскомъ,
русское населеніе перемѣшано съ поляками, словаками, мадьяра-
ми и румынами.

Показанія о численности угорскихъ русскихъ весьма разно-
рѣчивы. Большинство прежнихъ склоняется къ цифре 500 ты-

¹⁾ Отрывки настоящей замѣтки были читаны на IX Археологи-
ческомъ съездѣ въ Вильнѣ 1893 г., въ 70-лѣтнюю годовщину прибытия
Венелина въ Россію.

сячъ. Въ 1826 г. угрорусъ Орлай насчитывалъ 800 тыс., въ 70-хъ годахъ по официальнымъ даннымъ показывалось 448 тысячъ; по послѣднимъ переписямъ 1880—90 гг. всего 353226—379782. Впрочемъ по церковнымъ спискамъ (шематизмамъ) и теперь насчитывается 476560—499400¹⁾.

Угорская Русь составляетъ окраину русского міра, повидимому, вовсе не участвовавшую въ его исторической жизни. — „О древнихъ судьбахъ Русиновъ за-карпатскихъ писалъ въ 1852 г. И. И. Срезневскій ни лѣтописи, ни преданія не сохранили никакихъ вѣрныхъ показаній. Нельзя сказать съ достовѣрностью, были ли они, всѣ ли вообще или частями, въ концѣ IX вѣка поданными князя Кіевскаго Олега и его современника князя Моравскаго Святополка; нельзя опредѣлить, когда именно они принуждены были подчиниться власти Мадьяровъ, до паденія ли княжества Моравскаго въ 907 году или позже. Только русская вѣра ихъ свидѣтельствуетъ, что они приняли христіанство не послѣ Мадьяровъ, не черезъ нихъ, а свидѣтельства обѣ учреженій епархій въ Венгрии королемъ Стефаномъ даютъ знать, что Русины не были причислены ни къ одной изъ нихъ и съмѣдовательно подчинены были особенной.... Въ туманѣ остаются судьбы за-карпатскихъ Русиновъ не только до XIII вѣка, но и позже. Въ лѣтописяхъ и грамотахъ ихъ сосѣдей отыскиваются только отрывочные напоминанія объ ихъ краѣ и ничего о народѣ“²⁾.

Слова эти до настоящаго времени сохраняютъ свою силу и очень ярко характеризуютъ состояніе вопросовъ, связанныхъ съ угорской Русью. Два капитальныхъ вопроса нашей исторической науки связаны съ за-карпатской частью русского міра:

1) Какимъ образомъ проникло сюда русское имя, если

1) А. Л. Петровъ, Замѣтки по Угорской Руси Ж. М. Пр. 1892, II. Р. Заклинскій, Географія Руси, Львовъ 1887. Julius Varga, Die Nationalitten Ungarns im Jahre 1890, Ungar. Revue, 1893, I.

2) И. Срезневскій, Русь Угорская, Вѣстн. И. р. геогр. общ. 1852, IV, кн. I.

Угорская Русь, повидимому, не входила въ составъ древне-русской державы?

2) Современное различіе двухъ главныхъ вѣтвей русского племени—великорусской и малорусской не объясняется ли передвиженіемъ населенія съ Карпатъ въ нынѣшнюю Юго-Западную Русь съ одной, и древняго южно-русского населенія на сѣверо-востокъ съ другой стороны?

Въ предлагаемомъ наброскѣ будуть лишь намѣчены главнѣйшія данныя, составляющія содержаніе первого вопроса. Нѣсколько подробнѣе я остановлюсь на географической номенклатурѣ Карпатской территоріи и одномъ лѣтописномъ намекѣ, имѣющемъ, на мой взглядъ, прямое отношеніе къ этому же вопросу

Историческій очеркъ разработки вопроса о русскомъ имени на Карпатахъ весьма кратокъ. Въ 1842 г. Надеждинъ высказалъ мысль, что на Карпатахъ — между прочимъ въ нынѣшней Угорской Руси—следуетъ искать началъ нашей исторической жизни.— „До сихъ поръ, говоритъ Надеждинъ, всѣ изслѣдованія нашихъ историковъ, этнографовъ и археологовъ обращались преимущественно, даже можно сказать исключительно на Русь, заключающуюся въ обширныхъ предѣлахъ Россійского государства. И здѣсь еще, особенное, впрочемъ весьма естественное предполченіе, оказывалось Руси Сѣверо-Восточной, основательницѣ настоящей славы и величія имени русского.

Русь Юго-Западная, коей чистѣйшая и самообразнѣйшая часть уходитъ изъ предѣловъ Россійской Имперіи, простирается за Карпатъ до Дуная, во всю длину его теченія по древней Панноніи,—эта Русь едва удостоивалась мимоходного упоминовешія въ предисловіяхъ къ Русскимъ исторіямъ. Доходило даже до того, что сознаніе нашего кровнаго родства и единства съ Юго-Западными нашими соименниками,— сознаніе столь ясное и живое, какъ напр. во времена Герберштейна, который всѣхъ Руссовъ признавалъ и называлъ равно Руссами—затмѣвалось совершенно въ новѣйшихъ бытописателяхъ и изслѣдователяхъ впрочемъ достойныхъ всякаго уваженія своею ученостью и добросовѣстию.

стью. Причина тому, очевидно, заключалась въ ложномъ предубѣжденіи, распространенномъ Венгерцами, а въ слѣдъ за ними и другими европейскими историками, кои, съ неизѣпыхъ словъ безыменнаго нотарія короля Бѣлы, повторяли въ одинъ голосъ, что Руссы Венгерскіе увлечены за Карпатъ изъ нашей украины Мадьярами, которые потому бросили ихъ, какъ безполезную тягость, при порогѣ своего распространенія въ Панноніи. За тѣмъ еще позднѣйшее переселеніе Федора Коріатовича изъ—Подоліи въ Мункачъ—считалось второю эпохой, съ которой за-Карпатъе наполнилось Руссами. При такихъ предположеніяхъ понятно, что пребываніе нынѣшихъ Руснаковъ въ Венгріи признавалось недостойнымъ занимать мѣсто въ древней исторіи и археології народа Русскаго.

Я былъ точно того-же миѳія, пока не познакомился лично съ Венгерскими Руснаками, съ мѣстностью ихъ настоящихъ жилищъ и окружныхъ странъ, съ преданіями, искони существующими у Карпато-Руссовъ, равно какъ и съ преданіями самыхъ Венгерцевъ и другихъ окрестныхъ народовъ, въ ихъ полнотѣ и чистотѣ, изъ самыхъ источниковъ. Напротивъ того, теперь я убѣдился вполнѣ, неопровергимыми доказательствами, что русская стихія простиралась на Юго-Западѣ, по обѣ стороны Карпата, вплоть до Дуная, задолго до вторжения Мадьяровъ въ Паннонію; что Мадьяры не привели сюда съ собою Руссовъ, а нашли ихъ здѣсь, осилили, расположились жить и господствовать между нихъ, и такимъ образомъ разорвали то непосредственное сосѣдство, въ которомъ Руссы, по свидѣтельству и нашихъ отечественныхъ, и чужихъ преданій, находились нѣкогда съ Сербами, Хорватами и Славяно-Чехами. Доказательства, на коихъ основывалось мое переубѣжденіе суть: историческая, этнографическая, топографическая и даже лингвистическая. На сей разъ упомяну обѣ одиомъ у насть едва-ли извѣстномъ фактѣ, но котораго важность чрезвычайна: въ Трансильваніи, въ сокровеннѣйшихъ ущельяхъ Карпата, при истокѣ Ольты, между Румынами, Мадьяро-Секлерами и Саксами, находится деревни, которые по сіе время называются „Русскими“, жители которыхъ, на памяти нынѣ живущаго поколѣнія, говорили еще между собою „по русски“, т. е.

Карпато-Русинскимъ, или что то же Малороссійскимъ языкомъ! Никто не знаетъ и не помнить, какимъ образомъ и когда образовались здѣсь эти оазисы: они, очевидно, отмыты отъ родного материка приливомъ Мадьяровъ и Нѣмцевъ. Что можно сказать противъ этого живого воплющаго свидѣтельства?

Какой новый свѣтъ открылся мнѣ, когда я подъ мою путническою ногою, ощутилъ вездѣ слѣды старой самородной Русской жизни, на этомъ забытомъ нами пространствѣ Южно-Славянскаго міра. Начало нашей исторіи, происхожденіе и смыслъ нашей древней лѣтописи, разлитіе благодатныхъ лучей христіанства въ нашемъ Отечествѣ, путешествіе къ намъ церковно-славянского языка, имѣвшаго столь существенное вліяніе на наше умственное и литературное образованіе: всѣ эти пункты, болѣе или менѣе загадочные, болѣе или менѣе сумрачные, проявились. Я понимаю теперь, какъ нашъ достопочтенный Несторъ могъ говорить о разселеніи Славяно-Руссовъ на Сѣверѣ съ Дунаемъ: это взялъ онъ не изъ преданій отдаленной древности, какъ думаютъ обыкновенно, но изъ живого нагляднаго познанія при-Дунайской стороны, которая въ его время, безъ сомнѣнія еще ощутительно трепетала чистою Русскою жизнью. Я понимаю даже сказку о Кіи основателѣ Киева, которую многіе изъ восторженѣйшихъ читателей древняго лѣтописца считаютъ басней, вымыщленною изъ патріотического хвастовства. Понимаю извѣстный списокъ „Русскихъ городовъ дальнихъ и ближнихъ“, сохранившійся при иѣкоторыхъ нашихъ Лѣтописяхъ: эту загадку Сфинкса, которая до сихъ поръ не находила еще счастливаго Эдипа. Понимаю образованіе древней нашей Іерархіи, пугающее изслѣдователей своею темнотою и недостовѣрностію; и проч. и проч. ¹⁾.

Черезъ два года появилось обширное изслѣдованіе акад. А. А. Куника о началахъ русской государственности, гдѣ за Карпатскою, въ частности Угорской Русью, не признано въ этомъ отношеніи рѣшительно никакого значенія. Взглядъ Куника состоитъ въ немногихъ словахъ въ слѣдующемъ. — Возможно, что

¹⁾ *H. Надеждинъ*, Записка о путешествіи по южно-славянскимъ странамъ. Ж. М. Пр. 1842. ч. 34.

Карпаты были праординой славянъ; возможно, что до нашей эры они жили и въ Панноніи, но невозможно опредѣлить ихъ нарвѣчіе и всего менѣе можно допустить, что въ Панноніи жила восточнославянская вѣтвь. Изъ Галиціи въ VII вѣкѣ вышли Сербы и Хорваты¹⁾; но даже при близости ихъ языка къ русскому, трудно считать ихъ предковъ людьми русского языка. И во времена Владимира Святого жили здѣсь Хорваты „которыхъ лѣтопись отдаѣаетъ отъ господствующаго племени Русскихъ“²⁾. Они потомъ совсѣмъ исчезаютъ³⁾ и возбужденный Норманнами восточнославянскій міръ занялъ Галицію, истребивъ при этомъ остатки ляшскихъ (?) и другихъ (какихъ?) вѣтвей“. — Съ основаніемъ въ XI вѣкѣ въ Галичинѣ владѣній Рюриковичей „musste der Name Русь hier die festesten Wurzeln fassen“ (почему же „festesten“?).

Объ угорскихъ русскихъ ничего опредѣленного по источникамъ неизвѣстно, но не слѣдуетъ забывать, „dass diese (т. е. угорскіе русскіе) sich auf keine Stufe staatsbürgerlicher Bildung erhoben haben; sie sind heute noch nicht viel mehr als ein Naturvolk, das keinen Staatsnamen brauchte, wie es auch in seiner Eigenschaft als ein slawischer Volkszweig keine

1) Это извѣстіе Багрянороднаго давно уже служить камнемъ преткновенія для ученыхъ (К. Я. Гротъ, Извѣстіе Конст. Багр. о Сербахъ и Хорватахъ, С.-Пб. 1880.) Что оно ошибочно въ обозначеніи времени, не можетъ быть сомнѣнія. Укажу заслуживающее вниманія мнѣніе ³⁾ Богуславскаго, относящаго выселеніе Хорватовъ къ концу III вѣка, ко временамъ Авреліана и Максиміана, принявшаго имя „Hercilius“. Отсюда, по мнѣнію г. Богуславскаго, ошибка Багрянороднаго, смѣшившаго Максиміана-Ираклія съ Иракліемъ VII вѣка.

2) На самомъ дѣлѣ лѣтопись говоритъ: „и живяху въ мирѣ Поляне и Деревляне, и Сѣверъ, и Радимичи, и Вятичи, и Хорвате“. Въ чёмъ же выдѣленіе?

3) Совершенно такъ же, какъ исчезаютъ Поляне, Древляне и проч., т. е. исчезаютъ одни названія, замѣняясь другими, въ данномъ случаѣ племенными волостными. Эта смѣна названій, ясно отмѣченная на первыхъ страницахъ лѣтописи, могла практиковаться и прежде. Не ею ли слѣдуетъ объяснять исчезновеніе многихъ названій древней этнографіи, въ чёмъ многіе изслѣдователи видятъ исчезновеніе самихъ племенъ.

selbständige Geschichte weder politischer, noch geistiger Art besitzt. Man muss also bei fremden Völkern sich Raths erholen wie es zu seinem heutigen Namen gekommen ist". Правда, употреблениe названія Огозъ для русскихъ, словаковъ и мадьяръ, но не Сербовъ и Волоховъ, указываетъ не на южное, а на съверное происхожденіе этого названія, но дѣло въ томъ, что народъ не называетъ свою страну Русью, а Угорщиной. Man sollte doch, weil in Russland Русь und Русинъ sprachlich und politisch ganz eng verbunden waren, wie es in Galizien noch der Fall ist, erwarten, das er die Scholle auf der er geboren ist, Русь nennen würde; allein Русь ist ihm ein fremdes Land das jenseits der Berge liegt, es ist für ihn vorzugsweise Galizien; man kommt zu ihm aus Русь und geht von ihm nach Русь, und nur die slawischen Ethnographen unserer Zeit haben den Ausdruck „Uherska Ruš“ in die Schriftsprache eingeführt. Indessen ist es moglich, dass auch schon früher dieser Terminus in der Schriftsprache bestand“¹⁾). Вотъ собственно и все сказанное Куникомъ объ Угорской Руси. На основаниі этого Куникъ утверждаетъ, что русское имя за Карпатами имѣть не национальный, а вѣроисповѣдный смыслъ. Что въ этомъ отношеніи не остались вѣроятно безъ слѣда сношепія съ Галичемъ, затѣмъ Татарскій погромъ и наконецъ время Корiatовича, и въ виду невозможности допустить распространеніе русской вѣтви до Дуная (въ до-мадьярское время) ак. Куникъ рѣшительно отвергаетъ древность топографическихъ названій, связанныхъ съ названіемъ шведскихъ родзовъ. Alle diese ungrischen Vettern und Basen der finnischen Ruotsenstadt in Schweden und der estnichen Rootsendorfer dürfen in Zukunft nicht mehr als ein Argument gegen die Normannit t der War ger-Russen citirt werden, sobald nicht der ganze Nestor mit seinem Verh altniss der Russen zu den War gern, das Entstehen von Русь aus Ruossi und dessen Entstehen aus einer  berseeischen Urform mit trifftigen Gr unden widerlegt ist. Selbst der Nachweis eines ungrischen

¹⁾ Способъ выраженія во всякомъ случаѣ нѣсколько странный въ устахъ ученаго, напирающаго на Verschrobenheit антинорманистовъ.

schen, im Munde des Volkes lebenden Русь würde Nichts entscheiden, da es erst spät Eingang gefunden haben könnte¹⁾. Для мыслящаго русскаго историка Угорская Русь имѣеть значеніе, но не въ отношеніи имени, а какъ яркая иллюстрація той первобытной ступени русскаго быта, который заставилъ русскихъ искать наряда у Норманновъ, а благодаря горамъ, довольно живо сохранился и до сихъ поръ²⁾.

Въ 1859 г. проф. В. И. Ламанскій въ одномъ изъ приложенийъ къ своему изслѣдованию: „Славяне въ Малой Азіи“.... привелъ нѣсколько соображеній въ опроверженіе взгляда акад. Куника³⁾.

¹⁾ Однако о находящемся около Белза селѣ Русинъ съ недалеко лежащимъ Варенжемъ ак. Куникъ полагаетъ, что оно „vielleicht seine Entstehung den Normannen verdankt“. Въ настоящее время названія на *инъ, ина* и особенно на *ино* считаются не вполнѣ надежными данными исторической этнографіи, какъ образовавшіяся, по всейѣ вѣроятности, черезъ сокращеніе названій на *иново*, т. е. прошедшія отъ личныхъ собственныхъ имёнъ и прозвищъ, которыми въ старой Руси оч. часто служили этнографическая названія, напр.: „Русинъ да Мещеринъ Федоровы дѣти Черемисинова“. А. И. Соболевскій, Названія населенныхъ мѣсть и ихъ значение для русской историч. этнографіи, Жив. Стар., 1893, IV. Дѣло, конечно, не въ этомъ, ибо 50 лѣтъ назадъ на нихъ можно было указывать съ полнымъ правомъ; а въ томъ, что одно - единственное названіе дало основаніе ак. Кунiku усмотрѣть вліяніе Норманновъ на Карпатскую территорію, а „больше 30 названій“ отъ корня *рус* не навели поченного академика ни на какія соображенія.

²⁾ E. Kunik, Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen S.-PTb, 1844—45, Кар. V.

³⁾ Отмѣчу нѣкоторыя: а) слово *Русъ* не обличаетъ финнскаго происхожденія ни своею формою, ни своимъ употребленіемъ—въ смыслѣ этнографическомъ, и географическомъ, ни производнымъ отъ него словомъ — русинъ; б) выдержка изъ статьи Срезневскаго (Ж. М. Пр. 1843. II), сдѣланная ак. Куникомъ въ подтвержденіе того, что слово — русскій имѣеть въ Угорской Руси вѣроисповѣдное, а не народное значение, не точна. Срезневскій сказалъ слѣдующее: „Ѣдучи съ запада на востокъ, по южнымъ отлогостямъ Карпатского хребта, въ Ужгородъ путешественникъ уже слышитъ южно-русское нарѣчіе, какъ господствующее въ народѣ. Русиновъ по вѣрѣ (русины въ королевствѣ

Въ 1871 г. нѣмецкій ученый R. Rösler въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи Romänische Studien... пришелъ къ выводамъ во многомъ согласнымъ съ мнѣніемъ Надеждина, хотя занимавшій настѣнъ вопросъ затронутъ былъ Рѣслеромъ лишь между прочимъ и въ виду этого не былъ имъ подвергнутъ всестороннему обсужденію¹⁾). Выводы Рѣслера встрѣтили нѣкоторое во-

венгерскомъ называются въсѧхъ уніатовъ и православныхъ безъ различія, точно ли они Русины, или Словаки, или Мадьяры, лишь бы не были Сербы и Волохи) я уже встречалъ въ столицахъ Гѣмѣрской, Спишской Шаринской и Землянской, (въ Пряшовской епархіи считается вообще уніатовъ до 180000), но это Русины по вѣрѣ, а по языку, по народности, Словаки. Тутъ же, напротивъ, Русины въ полномъ смыслѣ слова, родные братья Малороссіянъ, однокровныя дѣти Старой Руси по народности и большею частью по самымъ воспоминаніямъ. Отсюда на сѣверъ и востокъ, а отчасти и на югъ простираются они въ Галицію и Буковину“ и ироч. (Акад. Куникъ выписалъ лишь слова обозначенными курсивомъ: такимъ образомъ Срезневскій долженъ быть подтверждать то, о чёмъ, конечно, никогда и не думалъ). в) „Есть основаніе полагать, что русскія поселенія простирались далеко на западъ, что слѣд. съ теченіемъ времени народность русская въ Венгріи не возрастала, а напротивъ того, уменьшалась“. Приводится показаніе Броневскаго, что въ 1810 г. русскіе жили около Мишковца. г) Приводятся историческія указанія: второго Львовскаго списка Паннонскаго житія Кирилла (XVII вѣка), гдѣ Ростиславъ, Святополкъ и Коцель названы князьями русскими; Энѣя Сильвія (XV в.) что Святополку подчинялись и русскіе; Пулкавы (XVI в.) о томъ же. Что Русскіе въ обоихъ этихъ случаяхъ не значать — Мораване, это признаетъ и Куникъ; наконецъ, показанія Адама Бременскаго и Виппо (XI в.). Въ заключеніе проф. Ламанскій говорить: „съ своей стороны не могу не замѣтить, что пока не будетъ положительно доказано, что Русины появились въ Венгріи въ XIII и XIV стол., а не гораздо раньше, до тѣхъ поръ эта Russia или не должна быть считана за псевдо-Русь, или же и современная Карпатская Русь должна быть причтена къ той-же псевдо-Руси“. Славяне въ Малой Азіи С.-Пб. 1859 г. Прил. II.

¹⁾ Между прочимъ о Марамарошѣ Рѣслеръ говоритъ: „Die Maramaros ist nur äusserste ciskarpatische Mark eines zusammenhängenden transcarpatischen Besitzes im östlichen Galizien und südlichen Russland... Die maramaroser-Karpaten werden, wo man ihrer zuerst

зраженіе со стороны чешскаго ученаго Томашка въ его рецензіи на книгу Рэслера.

Сопоставляя взгляды обоихъ этихъ ученыхъ, акад. В. Г. Васильевскій замѣчаетъ слѣдующее: „Легко усмотрѣть, что возраженія чешскаго ученаго слѣбѣ, чѣмъ доказательства нѣмецкаго. Томашекъ опустилъ изъ виду рядъ словъ чисто-русскихъ и мѣстностей выдающихъ себя и теперь русскими, на которыхъ указывалъ Рэслеръ, которая находятся и въ Седмиградіи, и даже въ Валахії“¹⁾.

Въ 1874 г. проф. А. А. Кочубинскій указывалъ на важность задачъ предстоящихъ русской наукѣ на Карпатахъ²⁾.

Въ 1889 проф. Ф. И. Успенскій высказалъ между прочимъ слѣдующее: „И теперь уже можно сказать, что древнѣйшее существованіе русскаго населенія на Дунаѣ перестаетъ быть ученої теоріей или патріотическимъ увлеченіемъ. Извѣстія лѣтописи о русскихъ городахъ дальнихъ и ближнихъ болѣе не должны быть признаваемы за праздный вымыселъ. По цѣнногу накапляетъ матеріаль, которымъ невозможно пренебрегать. Нельзя при этомъ не пожелать, чтобы славяно-русская филология обратила свое вниманіе на тѣ остатки русской рѣчи и русскаго населенія, которые путешественники видѣли въ Трансильваніи еще въ нача-лѣ настоящаго столѣтія“³⁾.

Вотъ, кажется, и весь историческій очеркъ разработки занимающаго насъ вопроса въ нашей наукѣ, если только можно назвать разработкой отрывочныхъ упоминанія въ приложеніяхъ и при-

gedenkt, Ruthenorum Alpes genannt. Rom. Stud. 319. Далѣе Рэслеръ указываетъ на русскій характеръ географической номенклатуры Молдавіи и Трансильваниі, отмѣчая на послѣдней рядъ названій отъ корня: *рус.* Многія изъ этихъ названій встрѣчаются въ докумена-тахъ съ половины XII в., слѣд. ихъ нельзя считать позднѣйшими.

¹⁾ Византія и Печенѣги, Ж. М. Пр. 1872 г. ч. 164, прил. II.

²⁾ Отчетъ о путешествіи по славянскимъ землямъ, Зап. Но-вовр. Ун., III.

³⁾ Образованіе второго болгарскаго царства. Одесса. 1879. Прил. V

мъчаніяхъ. Если прибавить сюда нѣсколько отдельныхъ замѣтокъ обѣ Угорской Руси, имѣющихъ лишь косвенное отношеніе къ вопросу о ея русскомъ имени¹⁾, то получимъ все что, имѣется въ нашей наукѣ обѣ Угорской Руси. Все это только отрывки и наброски: ничего не только цѣльного, но даже сколько нибудь определенного. Въ теченіе полувика послѣ Надеждина разработка занимающаго насъ вопроса, собственно говоря, не подвинулась ни на шагъ. Русская мысль боролась съ Норманистами подъ знаменемъ Руси поморской, Роксоланъ, Скиѳовъ и наконецъ Готовъ²⁾. Угорская Русь ни разу не выступала на сцену прямо, но несомнѣнно всегда скрывалась за кулисами, смущая своимъ именемъ спокойствіе всѣхъ названныхъ ученыхъ партій, къ решительнымъ или умѣреннымъ сторонникамъ которыхъ принадлежатъ у насъ въ настоящее время всѣ представители русской исторической

¹⁾ И. Срезневскаго (указаны выше); Я. Головацкаго, Карпатская Русь, 1-й томъ „Пѣсень“... М. 1878. и Ж. М. Пр. 1875 ч. 179. А. Добрянскаго, О западныхъ границахъ подкарпатской Руси, Ж. М. Пр. 1880, ч. 208, наконецъ, Анонимная—Голосъ изъ Угорской Руси, Р. Мысль, 1880. III. Другія статьи, которыхъ по журналамъ разбросано довольно, имѣютъ для историка сравнительно малое значеніе. Перечень ихъ см. у Ф. М. Истомина, Угро-русскія народныя пѣсни Де-Воллана и у А. Л. Петрова, Замѣтки. На нѣмецкомъ яз. имѣется известное и действительно лучшее по систематичности и сравнительной полнотѣ сочиненіе Бидермана, но оно не безъ тенденціозности; церковная жизнь пропущена. Дополненіемъ въ послѣднемъ отношеніи можетъ служить И. Базиловичъ, Brevis notitia fundationis Th. Koriatowits. Cassoviae 1799; А. Балудянскій, Исторія церковная Нов. Завѣта, Вѣна, 1852; I. Fiedler, Beiträge zur Geschichte der Union der Ruthenen in Nord-Ungern u. der Immunität des Clerus derselben, Sitzungsber hist-phils cl., 1862, 39. На угорско-русскомъ яз. имѣется сочиненіе свящ. И. Дулишковича, Историческая чѣрты Угро-русскихъ, Унгварь, 1874—77 г. По методу оно неудовлетворительно, но сообщаетъ нѣрѣдко интересныя замѣчанія. Слѣдуетъ очень желать, чтобы оставшееся ненапечатаннымъ продолженіе труда покойнаго о. Дулишковича († 1883, Угро-р. „Листокъ“ 1893. № 2) не пропало.

²⁾ Впрочемъ готизмъ можно, кажется, не безъ основанія считать естественнымъ перерожденіемъ норманизма.

науки. Во взглядахъ на Угорскую Русь ученые до сихъ поръ колеблются между двумя противоположными взглядами: ак. Куника съ одной и Надеждина съ другой стороны. Существенная разница обоихъ взглядовъ заключается не въ научномъ ихъ обоснованіи, а такъ сказать, въ научной обстановкѣ и, пожалуй, въ тонѣ, весьма рѣшительномъ у Норманистовъ, весьма робкомъ у ихъ противниковъ. Упоминанія объ Угорской Руси находятъ, какъ мы видѣли, мѣсто лишь въ примѣчаніяхъ и приложеніяхъ. Специального изслѣдованія, посвященного вопросу о русскомъ имени на Карпатахъ нѣтъ, и ученые упоминаютъ объ этомъ только по случаю, попутно. О Норманнскихъ же Родзахъ имѣются обширные специальные изслѣдованія и нѣмецкія, и русскія. Важность этого обстоятельства понятна, и несомнѣнно этимъ обусловливается указанная разница тона: кто не знаетъ Норманновъ? а Карпатская Русь для многихъ и многихъ — загадка. Что касается научной обоснованности взгляда Норманистовъ на Угорскую Русь, то два примѣра было уже указано. Собственно въ этомъ случаѣ только и можно имѣть въ виду ак. Куника: другое объ Угорской Руси не говорили; но въ сущности слѣдуетъ недоумѣвать, почему ак. Куникъ счелъ нужнымъ распространяться объ Угорской Руси, если по его мнѣнію: *selbst der Nachweis eines ungrischen im Munde des Volkes lebenden Russes würde Nichts entscheiden, da es erst spat Eingang gefunden haben konne*“ другими словами: если на Карпатахъ и существовала какая-то Русь, то этому все таки не слѣдуетъ вѣрить, ибо не было Руси, кромѣ Рѣзовъ. Мы здѣсь, очевидно имѣемъ дѣло не съ научнымъ изслѣдованіемъ, а съ предубѣжденіемъ, подъ которое подводятся факты. Иначе нельзѧ было бы утверждать объ отдельности Хорватовъ отъ другихъ русскихъ племенъ, чemu, какъ указано, прямо противорѣчитъ лѣтопись; нельзѧ было бы говорить, что Угорская Русь есть выдумка писателей нашего времени и тутъ же рядомъ: „впрочемъ название это могло употребляться въ письменномъ языке и прежде“; нельзѧ было бы допускать позднѣйшее передвиженіе русскихъ за Карпаты, когда рядъ фактовъ указывалъ на существованіе тамъ русского имени въ отдаленной древности; нельзѧ было бы хвататься за одно на-

званіє и оставлять безъ всякаго вниманія „больше тридцати“ названий; нельзя было бы наконецъ указывать на Угорскую Русь лишь какъ на иллюстрацію быта русскихъ славянъ, заставившаго ихъ искать наряда у Норманновъ. Полная беззаботность на счетъ цѣлаго ряда фактовъ, вопіюющихъ о разслѣдованіи, и въ то же время возможность безъ замѣтнаго колебанія сопричислить Илью Муромца къ сонму норманнскихъ героевъ („höchst warscheinlich von Normannen abstammte“, Beruf. II, 105).... да развѣ это наука?

Перехожу къ разсмотрѣнію вопроса. Древнѣйшая исторія Карпатъ связана съ именами бастарновъ, певкиновъ, сидоновъ, атмоновъ, авариновъ, омброновъ, уругундовъ, арсіетовъ, сабоковъ, пенгитовъ, бессовъ, карповъ, карпіановъ и пр. Послѣдними въ ряду этой массы загадочныхъ именъ являются Хорваты. Но и о нихъ мы имѣемъ весьма смутное представлениe. Такая ли это отдѣльная вѣтвь русского племени какъ Поляне, Древляне и пр., или это родовое обозначеніе группы славяно-русскихъ или даже вообще Славянскихъ колѣнь; загадочные ли это „толковины“ (Линниченко), или это часть тоже впрочемъ довольно неопредѣленная Дулѣбовъ? Какова была ихъ территорія: обширное ли пространство отъ линіи — Кошицы — Кляузенбургъ — Бухарестъ (а можетъ быть и западнѣе) до западнаго Буга и Припети (Барсовъ), или середина Карпатъ отъ линіи — между Краковомъ и Остригономъ на Сѣв.-Зап. до Тисы и Самоша въ Угорщинѣ и Семиградіи и старой границы между Валахіей и Молдавіей на ю.-в. (А. Добрянскій), или наконецъ, сравнительно небольшое пространство нагорной перемышльской области (Ключевскій)? Каковы были отношенія карнатскихъ Хорватовъ къ другимъ русскимъ племенамъ и русскому государству, и были ли какіянибудь отношенія вообще? Все это—вопросы, на которые у насъ нѣть опредѣленныхъ отвѣтовъ. Очевидно, названія племенъ связанныя съ Карпатами не могутъ служить для изслѣдователя исходной точкой въ его соображеніяхъ о древнѣйшей исторіи Карпатской земли, ибо въ такомъ случаѣ онъ неизбѣжно долженъ запутаться въ лабиринтѣ сложныхъ вопросовъ о германізмѣ и славизмѣ древнѣйшихъ племенъ (bastarnы, певкины и проч.), или плутать въ

темномъ лѣсу вопросовъ о древнѣйшихъ славянскихъ племенныхъ взаимоотношеніяхъ — (Сербы, Хорваты).

„Чтобы выбраться изъ этого лабиринта, необходимо держаться крѣпко за землю, т. е. не за исторію имени, а болѣе всего за исторію страны, по которой время отъ времени проходили эти различныя имена“¹⁾.

Эти слова уважаемаго историка слѣдуетъ понимать такъ, что въ темныхъ вопросахъ древней этнографіи весьма существеннымъ указаниемъ является языкъ земли или ея хоро-и топографическая номенклатура. Она обратила на себя вниманіе уже акад. Куника, затѣмъ Рэслера.

Ак. Куникъ заимствовалъ свои топографическія дацныя изъ указателя приложеннаго къ картѣ Угріи и Седмиградіи, изданной Липскимъ въ Пештѣ въ 1808 г. Всѣхъ топографическихъ названій, связанныхъ съ корнемъ *rus* ак. Куникъ насчиталъ „быть можетъ больше 30“.

Рэслеръ указалъ не мало славяно-русскихъ хоро-и топографическихъ названій лишь на территоріи Молдо-валахіи, и соответственно этому призналъ эту территорію русскою.

Я сведу въ настоящей замѣткѣ результаты чтенія картъ всей Карпатской дуги со включеніемъ угорской равнины на лѣвомъ берегу Тисы. Я обратился къ картамъ, а не къ указателямъ, такъ какъ на картахъ языкъ земли гораздо яснѣе: бросаются въ глаза не только названія, но и самое ихъ распределеніе, что иногда характерно, особенно въ рѣкахъ. — Я не могу ручаться, что я собралъ всѣ названія; несомнѣнно, многія ускользнули отъ моего вниманія, хотя каждый листъ карты я читалъ два раза, подчеркивая хоро-и топографическія названія разноцвѣтными карандашами.— Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ думать, что этихъ названій больше, чѣмъ сколько ихъ найдено мною, а никакъ не меньше. Я пользовался Австрійскими картами въ масштабѣ 1 : 300000 (I - P, 5—9). Доставленіемъ этого матеріяла я обязанъ многоуважаемому А. К. Пузыревскому, которому и приношу мою искреннюю благодарность.

¹⁾ И. Забѣлинъ, Исторія русской жизни, 1, 267.

Огромный кряжъ Карпатъ составляетъ средоточіе славянскихъ горъ: „Онъ тянется съ с.-з. на ю.-в. большой дугой, изогнутой къ с.-в., и открытой къ ю.-з., на протяженіи 160 геогр. м. Всѣми своими развѣтвленіями въ Моравіи, Слезіи, Галичѣ, Буковинѣ, Молдовлахіи и Угорщинѣ съ Семиградьемъ, Карпаты занимаютъ площадь свыше 4000 кв. геогр. миль“¹⁾.

Карпатская дуга соприкасается своими концами съ одной стороны съ отрогами Альпъ, а нѣсколько съвернѣе черезъ Ясенецкія горы она связывается съ Чехо-Моравской или Герцинской системой, съ другой стороны съ балканскими горами; а отроги Карпатъ на ю.-в. и с.-в. огибая съ обѣихъ сторонъ Припетскую впадину, приближаются своими крайними оконечностями къ русской центральной плоской возвышенности.

Несмотря на нѣкоторыя особенности отдѣльныхъ горныхъ цѣпей, Карпаты представляютъ одно цѣлое, а лишь по населяющимъ ихъ племенамъ ихъ дѣлять теперь обыкновенно на Словенскіе на западѣ, Русскіе — въ центрѣ и румынскіе — на юго-востокѣ.

Только Словенскіе Карпаты и сравнительно небольшая сѣв.-зап. часть русскихъ Карпатъ служитъ водораздѣломъ Балтійского и Черноморского бассейновъ. Вся остальная часть принадлежитъ всецѣло бассейну Черноморскому. Румынскіе притоки нижняго Дуная своими верховьями встрѣчаются съ верховьями лѣвыхъ притоковъ Тисы, съ пими же встрѣчаются далѣе притоки Серета, Прута, Днѣстра, а правые притоки верхней Вислы встречаются съ правыми притоками Тисы и лѣвыми Дуная.

Если принять во вниманіе, что „въ мѣстахъ, гдѣ источники рѣкъ по обоимъ склонамъ горъ близки другъ къ другу, тамъ и долины противоположныхъ притоковъ, подступаютъ одна къ другой и несмотря на значительную высоту горъ дѣлаютъ удобнымъ пе-

¹⁾) A. C. Будиловичъ, Обзоръ областей западнаго и южнаго славянства. С.Пб. 1886; Шараневичъ, Kritische Blicke in die Geschichte der Karpaten-Völker, Lemb. 1871; W Pol, Północne stoki Karpat, Krak. 1851; Walery Eliasz, Illustrowany przewodnik do Tatrz Pienin i Szczawnic.

реходъ черезъ Карпатскій хребетъ, вслѣдствіе чего способствовали издревле сообщенію и переселенію народа съ одной стороны горъ на другую¹⁾), то уже вслѣдствіе этого врядъ ли можно предполагать разнородность этническаго состава въ древнѣйшее время. Присмотримся поближе къ Карпатамъ и прежде всего къ центральнымъ или русскимъ и понынѣ на обоихъ склонахъ занятыхъ русскимъ племенемъ.

„Русскіе Карпаты начинаются за Попрадомъ и Горнадомъ и тянутся на протяженіи около 60 миль на ю.-в. до Русскаго Верха (Вурвуруссу) на буковинско-семиградской границѣ“ Западная ихъ часть составляетъ продолженіе Бескидовъ и сохраняетъ это название: „русскій бескидъ“; причемъ часть отъ Попрада до истоковъ Латорицы и Стрыя называется Дѣломъ, т. е. водораздѣломъ, а южная часть, составляющая переходъ къ Семиградскимъ горамъ называется Черная гора или Высокій лѣсистый Бескидъ.— Проводя границу русскихъ Карпатъ для большей ясности по течению рѣкъ, получимъ горное пространство между: Вишеевой, Тисой, Горнадомъ съ Торчей (Торицей) на югѣ и западѣ; на сѣверѣ горы спускаются къ вислинской долинѣ, а расположенная по с.-в. отрогамъ Галичина естественно сливается съ территоріей Волыни и Подолья. Линія отъ верховья Вишеевы и Золотой Быстрицы (лѣв. прит. Серетской Быстрицы) до Молдавы съ Молдавицей составитъ южную границу русскихъ Карпатъ. Все это пространство перерѣзано притоками Тисы, которые въ своихъ верховьяхъ почти встрѣчается съ притоками Вислы, Днѣстра, Прута и Серета.

Если присмотрѣться къ хоро-и топографической поменклатурѣ этой территоріи, то нельзя не замѣтить, что въ томъ и другомъ отношеніи она имѣетъ свои излюбленныя постоянно повторяющіяся названія. Сюда относятся:

Бѣлая, Бѣлка какъ самостоятельный названія рѣкъ, такъ и въ качествѣ эпитетовъ: Бѣла правый притокъ верхняго Горнад-

¹⁾ Головацкій, Щѣсни, 1, 572; Шараневичъ, Извѣдованіе на полі Отечественной географіи и исторіи. Старинные пути.... Сборникъ гал.-р. матицы, Львовъ, 1869.

да, Бяла притокъ Дунайца, Бѣлка притокъ Днѣстра, Бѣлая Тиса, Бѣлыи Черемошъ.

Быстрица, Быстра: Золотая Быстрица лѣвый притокъ Быстрицы Серетской, двѣ Быстрыхъ — правые притоки Сучавы; далѣе на с.-з.: Быстрица Днѣстровская, сливающаяся изъ двухъ Быстрицъ; тутъ же Быстрица Ломницкая, вытекающая изъ горы Быстрой, тутъ же Быстра, верхній притокъ В. Ага; Быстрица другой притокъ Днѣстра, Быстра притокъ верхняго Горнада. По теченію всѣхъ этихъ Быстрыхъ и Быстрицъ встрѣчаются пост янино одноименныя поселенія; кромѣ того разсѣянныя по всей терроріи и по теченію другихъ рѣкъ.

Но еще болѣе оригинальный и интересный характеръ сообщаетъ всему этому пространству то обстоятельство, что оно буквально усѣяно названіями отъ корня: *рос*:

Рѣчка *Рося* (притокъ Воды—правый притокъ Вишеевы), вытекающая изъ горы Рося, недалеко къ югу отъ горы Русскій верхъ; рѣчка *Rusenau* (правый притокъ Вишеевы) на пей двѣ Рускавы и Русполвана, Кизепа на Молдавѣ, Русь на Молдавицѣ; Русичка на рѣчкѣ Самцѣ къ югу отъ Проскурова, тутъ же Рузичанка, Росоша; Оросъ-Мота на Тарачѣ; Руска и двѣ Ростоки на Вичѣ. Сарошъ-Ороси (къ с. отъ Тиса-Уйлака); Русскій Путь въ горахъ; Русске на верховьяхъ Саны, Русска весь къ югу отъ Дубецка, Русске на верховьяхъ Широкой (л. притокъ Лаборца), недалеко отсюда Русскій Потокъ, Русске Волове, Русске Ма?.... (не прочиталъ); Ороска на Лаборцѣ (къ югу отъ Старой); недалеко: Русинъ; Русковце. Около Пряшева на Торицѣ Русска Ново весь, русъ; около Кошицъ: Русовикъ, Расановце; въ бодрогско-Горнадскихъ горахъ: G nycz-Ruszka, Magyoroszka. Въ долинѣ между Тисой и горами: Оросъ, Мале-Русковце, Руска на югъ отъ Gal-szecs, Орос-Комороцъ около Середняго.

Все это конечно, не случайность и сообщаетъ терроріи своеобразный типичный характеръ.

Разсмотримъ теперь террорію словенскихъ горъ. — Татры съ Липтовскими горами и Магурой, откуда берутъ начало многочисленныя рѣки и рѣчки, расходящіяся въ разныя стороны, служатъ какъ бы центромъ Быстрицъ и бѣлыхъ водъ: здѣсь берутъ

начало Бѣлый и Черный Вагъ, Бѣлый и Черный Дунаецъ, Бѣлая и Черная Орава; Быстра и Бѣла правые притоки верхняго Горнада, Быстра правый притокъ верхняго Гронса, Бялка и Бяла притоки Дунайца и Попрада; Студенецъ съ Бѣльмъ потокомъ, притокъ Оравицы; Быстрица, второй правый притокъ Гронса; Бѣла—притокъ Тураца. Далѣе Бѣлянка, правый притокъ Нитры. Морава съ лѣва принимаетъ Быстрицу и Быстричку. Нечего и говорить, что на всѣхъ этихъ рѣчкахъ встречаются одноименные поселенія, которыхъ кроиѣ того встречаются въ безчисленномъ множествѣ рѣшительно по всему пространству, а особенно въ западной его части.

Также точно усѣяно это пространство названіями отъ корня-
рус.—Sajo-Orosz, Rasony, Ruzita (между Шаю и Горнадомъ),
О-русинъ на Горнадѣ, Kis-Oroszi на Дунаѣ къ сѣв. отъ Вышеграда, Kis - Oroszi на Гронѣ, Nem - Oroszi, Росине около Вага,
Русава лѣв. притокъ Моравы; Рожнива (Роснива?)

Наконецъ эти названія встречаются и далѣе на западѣ на правомъ берегу Моравы и даже Дуная: Оросваръ (Карлсбургъ);
Руссъ правый притокъ нижней Моравы, на вѣрховьяхъ ея Gross-Russbach.

Далѣе къ сѣверу: около Берна Моравскаго: Быстрица на Шварцавѣ, недалеко отъ нея Росице, Новый Русиновецъ къ югу отъ Вышкова, еще немного сѣвернѣе: Быстрица, около нея: Рось, Росичка; около Своянова - Быстра, къ югу отъ нея Росичка и Росецъ.

Сѣверо-восточный уголъ Румынскихъ горъ омывается Быстрицей (пр. прит. Серета) съ Золотой Быстрицей и Быстричорой на юго-западѣ отъ Золотой Быстрицы вытекаетъ Быстрица (притокъ Шаю), наконецъ на югѣ Быстра (съ двумя Быстрыми) прав. притокъ Темеша, Быстрица — прит. Шила и Быстрица—притокъ Олуты, (Только на двухъ послѣднихъ рѣчкахъ какъ будто незамѣтно названій одноименныхъ поселеній). Бѣлыихъ меньше: Бѣлый Черемошъ, Бѣлая—лѣв. притокъ Большого Кокеля, Bilatesculi, прав. притокъ Прута. Названіями Рось наполнено все пространство; рѣчка Рось (на ней Роска) пр. притокъ Чернаго Кереша, въ томъ же направленіи къ югу рѣчка Рось правый притокъ

Мароша (на ней Рося). Въ прямомъ направлениі къ югу отъ нижней Быстры (левый притокъ Темешск. Быстрицы) рѣчка Рося — правый притокъ верхняго Шила. Около Русской горы — Рускице далѣе къ югу Ruskberk. Левый притокъ Большого Самоша—Orosz (на немъ A. F. Orosz falu). На лѣв. берегу Мароша, Orosz - Idecs, Görg - Oroszfalu, недалеко на вост. Orsova, далѣе къ востоку Orosz - buk, кромѣ того на Марошѣ: Ruzas, Oroszi. На Маломъ Кокелѣ: Rusm d, Orosz-hegy. На Быстрицѣ-Руси; къ юго-зап. на Ташлеу: Orosamare, на Сановцѣ Русска, на Жижѣ Рося. Къ югу отъ нея около Прутца Rus, Ruska, на Путной Рустока. На Альтѣ Reusu, Мала-Росу. Къ с.-з. отъ Германштата Reussmarkt. На Стрѣлѣ—Ruzestie, Rusow.

Еще южнѣе: по Амарадѣ, начиная съ верховьевъ: Рося, къ югу Рося, Reuzani, Rusueci, Rostoka прит. Аржиса, на Аржисѣ Росу, къ западу: Руси - Луи - Асанъ, а недалеко отъ Дуная Русянка, Ruse-de-Vede.

Отмѣченный фактъ несомнѣнно знаменателенъ. Указанная повторяемость названій, связанныхъ съ корнями *Быстр*, *Бул* и особенно *Рус*¹⁾, сообщаетъ всей карпатской территоріи своеобразный типичный характеръ, невольно бросающійся въ глаза даже при поверхностномъ разсмотриваніи карты. Названія Orosz, Oroszi, встрѣчаются довольно часто и въ угорской равнинѣ, связывая её съ окружающими горами.

По всему пространству, т. е. и въ горахъ, и въ примыкающихъ къ нимъ долинахъ распространены названія: Тырнова, Сомборъ, Пряшевъ и особенно Галичъ²⁾. Не случайно также и совпаденіе названій, Опатовецъ, Тучапы, Тлумачовъ, Судомѣрицы въ бас. Моравы, Тисы, Вислы.

¹⁾ Слѣдуетъ еще прибавить не менѣе характерныя названія, связанныя съ корнемъ *Тур*: Турка — л. пр. верхняго Прута, Турія и Турица — притоки Ужа, на нихъ: Турья Поляна, Турья Быстра, Великая Турица, Турья, Тарча (Торица?) пр. Горпада, Туръ и Тарачъ — притоки Тисы. — Топографическихъ названій очень много.

²⁾ Названія: Тырнова и Галичъ очень распространены; встречаются и въ хороографіи.

Если прибавить сюда повторяемость рѣкъ: Лута (прит. Ужа), Луква (прит. Днѣстра), Лукавица (Сана), Лучка (Прута), Тысмана (Шила), Тысменица (Днѣстра), Тысменица (Вепря).

Гомородъ (Красной), Гомородъ великий и малый (Алуты), (не въ связи-ли съ этимъ названіемъ Амарадья?).

Солоная (Шаю—притоки: Тисы, Изы, Самоша, Реута),—то передъ нами обрисуется громадная территорія, запечатлѣнная несомнѣнною однородностью хоро- и топографической номенклатуры.

Можно ли считать этотъ фактъ случайнымъ? Не указываетъ ли онъ на древнѣйшую этнографическую однородность Карпатской территоріи?

Заслуживаетъ особеннаго вниманія вотъ какое обстоятельство: 1) названія, связанныя напр. съ корнемъ: *tur* встрѣчаясь очень часто на Карпатской территоріи, встречаются часто и на территоріи Днѣпровскаго бассейна, название Серетъ (дунайскій и днѣстровскій) встречается далѣе къ востоку въ формѣ Сарата (Прutская и Кундуцкая), название Солоная встречается тоже на востокѣ (озеро Кундукъ иначе Соленое и рѣки Большая и Малая Сольча, Солонецъ, Соленая), рѣка Мертвва (мадьяр. Моротва) имѣеть на востокѣ подобоименные: Мертвоводы (лѣв. прит. южнаго Буга, Смерть лѣв. прит. Припети). Многочисленныя на Карпатской территоріи Тырnavы встречаются и на востокѣ. Все это, кажется, можетъ служить доказательствомъ этнографической однородности территоріи Карпатской съ территоріей южно-русской и припетско-днѣстровской.

2. Названіями отъ корня: *rus* усъяна какъ мы видѣли вся Карпатская территорія. Эти названія идутъ съ юга черезъ Молдавію и Бессарабію и подходятъ къ лѣвому притоку Днѣстра — Русавѣ (на которой нѣсколько одноименныхъ поселеній) и далѣе на востокъ въ бассейнъ Роси съ ея подобоименными притоками; съ другой стороны они направляются къ верховьямъ Западнаго Буга и идутъ отсюда по возвышенности между бассейномъ Припети и Бобромъ до Роси нѣманской.

Ограничиваюсь пока приведенными данными, позволяю себѣ высказать слѣдующее предположеніе: не заслуживаетъ ли точна-

го научного обследования несомненный фактъ повторяемости однихъ названій, особенно рѣкъ на известной территории?

Отдельно, спорадически эти названія могутъ попадаться въ разныхъ мѣстахъ славянской и русской земли, указывая на исконное родство славянскихъ племенъ, но при чтеніи картъ невольно бросается въ глаза иѣкоторая систематичность—врядъ ли случайная — ихъ расположенія на известномъ пространствѣ. Минѣ думается, что въ этомъ обстоятельствѣ можно усматривать не маловажный историко-этнографический фактъ, который можно бы назвать *территориальнымъ типомъ*¹⁾.

1) Обоснованіе этого важнаго историко-этнографического факта (первый намекъ на него можно усмотреть у Надеждина, Опытъ исторической географіи русского міра, Бібл. для член., XXII) будетъ сдѣлано въ другомъ мѣстѣ. Пока ограничусь слѣдующимъ. Вся Карпатская территорія, со включеніемъ Моравіи, южной Чехіи и юго-западной Руси отличается замѣтно одинаковымъ характеромъ географической номенклатуры по сравненію съ великой ляшской низменностью (къ сѣверу отъ Пилицы) съ одной стороны и русской территоріей къ сѣверу отъ Припетской впадины (приблизительно отъ Западной Свиблочи) съ другой. На замѣтную однородность топографіи Чехо-Моравской и Галицкой указалъ уже М. Колляръ, въ сообщеніи на III Археологич. съездѣ. Не меньшаго вниманія заслуживаетъ фактъ однородности номенклатуры Мазовской и поморской, напр. р. Вкра-вислинская и малогафская. (Нѣсколько интересныхъ данныхъ см. Br. Chlebowski, Poczaѣki Warszawy, Ateneum, 1892, VII). Нѣ можетъ подлежать сомнѣнію, что и территорія древнихъ Кривичей и Словенъ отличается также сообразнымъ характеромъ номенклатуры. При чтеніи картъ это сразу бросается въ глаза. Такимъ образомъ можно бы, повидимому, установить три крупныхъ территоріальныхъ типа: Карпатскій или, пожалуй, Карпато-дунайскій, Ляшскій и Кривицко-Словенскій. Но дѣло этимъ не исчерпывается. На этихъ крупныхъ по объему территоріяхъ можно уловить иѣкоторую систематичность распределенія отдельныхъ названій: Каменокъ, Кодымъ, Еланцевъ, Куяльниковъ, Ингуловъ (Ингуль, Ингулецъ, Ингульникъ), Березинъ, Свиблочай, Уссъ (или Ушай ?), Оболей, Черныхъ. — Отъ вывода воздерживаюсь. Съ картами Кривицко-Словенской территоріи я ознакомился пока бѣгло, да и 10-верстная карта, которой я пользуюсь, собственно, недостаточна. Въ данномъ случаѣ я желалъ бы обратить

Въ соотвѣтствіи съ приведеннымъ фактъмъ географической номенклатуры, несомнѣнно указывающимъ на этнографическую однородность всей Карпатской территории, находится археологическая намекъ, который можно усматривать въ указаніи на распространение бронзовой культуры на востокъ до Зап. Буга, Смотрича и Днѣстра, причемъ однако бронзовые серпы типа, встрѣчавшагося въ разныхъ мѣстахъ Россіи, встречаются и въ Угріи, но не попадаются далѣе на западъ¹⁾). Совершенно въ параллель съ указаннымъ фактъмъ распространенія Карпатскихъ хорографическихъ названій на востокѣ²⁾.

вниманіе на этотъ фактъ, по моему, заслуживающей разсмотрѣнія. Думается, что при сопоставленіи его съ данными этнографіи и археологии можетъ выясниться вопросъ о такъ называемыхъ „племенахъ“. Рѣшеніе этого вопроса у Барсова („Очерки“) при содѣйствіи щодобоименности топографическихъ названій съ племенными, кажется мнѣ не особенно удачнымъ. Топографическая названія очень важны, но въ другомъ отношеніи, а именно: они легко поддаются распределенію по группамъ. Извѣстное процентное отношеніе этихъ группъ (названія патронимической, отъ характера мѣстности, отъ занятій и проч. Весьма дѣльные замѣчанія объ этомъ см. у *Войцѣховскаго*, Chrobacusa; у него же—примѣрное распределеніе названій Краковскаго уѣзда) въ разныхъ мѣстахъ различно, чтб, рядомъ съ хорографіей можетъ служить основаниемъ къ болѣе точному обозначенію территориальныхъ типовъ. Въ виду всего этого, мнѣ кажется, что въ разработкѣ вопроса о такъ называемыхъ „племенахъ“ слѣдуетъ исходить не отъ лѣтописи (ибо очевидно, чтобы лѣтописные названія обозначали славяно-русскія колѣна; скорѣе—это названія политическихъ союзовъ), а отъ данныхъ географической номенклатуры, этнографіи и археологии. Къ сожалѣнію, положеніе русскаго ученаго, затрагивающаго эти вопросы, при отсутствіи сносныхъ указателей въ нашихъ ученыхъ изданіяхъ и спискахъ населенныхъ мѣсть — это даже не положеніе, а грусть одна.

¹⁾ Рефератъ проф. Антоновича и замѣчанія на него проф. Анутина. Протоколы IX Арх. съѣзда.

²⁾ Сюда же могутъ быть отнесены указанія на распространеніе въ предѣлахъ Россіи римскихъ мѣсть см. *Д. Я. Самоквасовъ*, Исторія русскаго права, II, 120 слл. Думается, что указаніямъ на Карпатской типѣ не противорѣчить утвержденіе почтенного чешскаго археолога г. Пича о значеніи археологического Лужицкаго типа и Коркенопшъ

Въ такомъ же соотвѣтствіи съ фактамъ номенклатуры и археологическими намеками находятся показанія исторической, указывающей на распространеніе русскаго имени въ Карпатской и Моравской территоріи въ отдаленной древности ¹⁾, а равно катерическое показаніе нашей лѣтописи о дунайской родинѣ русскихъ славянъ въ связи съ такимъ же показаніемъ другихъ древнѣйшихъ славянскихъ хроникъ и общеславянской и въ частности русской памятью о Дунаѣ въ народной поэзіи ²⁾.

Укажу еще одно обстоятельство, имѣющее, на мой взглядъ, прямое отношеніе къ связи Карпатской территоріи съ Киевомъ. Имѣю въ виду извѣстное обращеніе Олега къ кievскимъ князьямъ Оскольду и Дири: „яко гость есмь подугорскій, идемъ въ Грекы отъ Олга князя и Игоря княжича да придѣте къ намъ, къ родомъ своимъ“ ³⁾. Какъ извѣстно это обращеніе въ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ спискахъ читается не такъ: какимъ гостемъ назвалъ себя Олегъ, не сказано, за то мѣсто, гдѣ онъ остановился названо Угорскимъ („и приплу подъ Угорское“).

Выраженіе „гость подугорскій“ казалось очень безсмысленнымъ Шлецеру („wie lächerlich!“) и его послѣдователю г. Н. Ламбину („нелѣпое чтеніе“).

(Исполиновыхъ горъ) въ славянской археологии Archeol. Vyzkum, Praha 1893 XCIII и слл.). Корконоши могутъ быть причислены къ Карпатскому типу: Быстрицы и Бѣлыя, особенно распространенные въ с.-з. его части охватываютъ и Корконоши: Быстрица—л. пр. Олры, Быстрица и Бѣла—л. притоки Лабы (на с. Чехіи—между древними Дечанами и Гломачами). Но познанская территорія врядъ ли принадлежитъ сюда же: характеръ ея номенклатуры другой. (см. A. Pawiński, Wielkopolska I, перечень поселеній Познанск. воеводства).

¹⁾ Нѣкоторыя изъ нихъ были указаны выше; другія будутъ разсмотрѣны въ иномъ мѣстѣ.

²⁾ Pic, Archeol. vyzkum Úvod; Šembera, Západní Slovane, Videa, 1868. Очень интересна статья Миленофа-Янича Donau, Dunaj, Arch. f. Slav. Phil, I, между прочимъ по противорѣчіямъ, какія легко усмотреть въ самой основѣ статей обоихъ знаменитыхъ ученыхъ.

³⁾ Воскр. Соф. Ник. Тв. Въ Новг.—что особенно характерно: „творящаяся подугорскими гостями“.

Мнѣ, признаюсь, оно кажется единственno возможнымъ. Но въ объясненіе такого мнѣнія я долженъ бы сдѣлать слишкомъ большое отступленіе въ сторону древней нашей лѣтописи, что въ настоящемъ наброскѣ было бы несовосѣмъ умѣстно. Ограничусь поэтому нѣсколькими положеніями.

1) Что Шлецеровскаго „истиннаго Нестора“ не было и быть не могло, это кажется теперь не требуетъ доказательствъ, такъ же точно какъ и то обстоятельство, что древнѣйшій лѣтописный сводъ исчезъ въ сводахъ позднѣйшихъ — по выраженію Забѣлина „въ своемъ племени, какъ исчезаетъ кровь родоначальника въ его потомкахъ“ и, слѣдовательно предпочтеніе, оказываемое однимъ спискамъ передъ другими врядъ ли можетъ быть оправдываемо существенными причинами. — Слѣды древнѣйшаго лѣтописнаго свода можно въ равной мѣрѣ усматривать во всѣхъ сохранившихся сводахъ¹⁾), но всего меньше въ сводахъ древнѣйшихъ списковъ Лавр.-Ипатскому по слѣдующимъ причинамъ.

а) Заглавіе обоихъ этихъ списковъ по сравненію съ заглавными обозначеніями двухъ важнѣйшихъ частей древнѣйшаго свода въ Софійской и Воскресенской 1) Новѣсть о русской з. 2) Временникъ—представляетъ параллель заглавію списковъ Новгородской редакціи, въ отличіе отъ единственнаго заглавія редакціи Никоновскаго списка.

б). Сопоставленіе содержанія древнѣйшей части лѣтописи въ Лавр.-Ипатской и Новгородской редакціи показываетъ, что оба эти заглавія какъ разъ не соотвѣтствуютъ содержанію²⁾.

в) Никоимъ образомъ нельзя предположить, что такое явное несоотвѣтствіе допущено составителемъ. Оно могло прои-

1) См. особенно богатыя мыслью замѣчанія Срезневскаго въ „Изслѣд. о лѣтоп. Новгор.“ Изв. 2 отд. Ак. И., II, 77.

2) Новгородская должна бы разсказать: „како грады почапна быти: прежде Новгородская волость, а потомъ Киевская“, а начинаетъ на самомъ дѣлѣ съ Киева; Лавр.-Ип. наоборотъ—должна бы разсказать о Киевѣ, а говорить о Новгородѣ, причемъ изъ событий Киевскихъ въ лѣтописной части (до воскняженія Олега) этихъ, по заглавію, Киевскихъ лѣтописей, упомянуть только одинъ — единственный фактъ: походъ Оскольда и Дири на Царьградъ.

зойти только при механическомъ переписываніи но никакъ не при составлениі.

г) Наконецъ, болѣе позднее происхожденіе текста въ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ спискахъ доказывается полнымъ отсутствиемъ въ древнѣйшей лѣтописной части кievскихъ извѣстій (упоминутъ только походъ Оскольда и Дири на Царьградъ), находящихся въ Никоновской и запечатлѣнныхъ несомнѣнной современностью событиямъ.

Въ виду всего этого пропускъ выраженія въ спискахъ Лаврент. и Ипатскомъ: „гость есмь подугорскій“ еще не можетъ служить доказательствомъ его „нелѣпости“.

2) Сличеніе начальной части нашихъ лѣтописей по всѣмъ печатнымъ текстамъ даетъ основаніе полагать первую грань не тамъ, гдѣ ее обыкновенно полагаютъ на основаніи числоволоженій Лавр. и Ипат. списковъ (на началѣ княженія Святослава), ибо ихъ числоволоженіе вовсе не имѣть общаго значенія, а относится лишь къ спискамъ одной редакціи.

Скорѣе первую грань можно бы полагать на 940-хъ годахъ, гдѣ проницательный Срезневскій отмѣтилъ прекращеніе греко-болгарскихъ извѣстій. Нельзя не прибавить, что съ 940-хъ годовъ совпадаетъ и общая лѣтописная сѣть главнѣйшихъ списковъ, и следовательно начало княженія Святослава, какъ грань, совершенно отпадаетъ.

3) Сличеніе текста Никоновской лѣтописи съ Новгородской открываетъ еще болѣе интересное обстоятельство. Извѣстное соотвѣтствіе содержанія обоихъ текстовъ не можетъ подлежать сомнѣнію, но врядъ ли какойнибудь одинъ текстъ находится въ зависимости отъ другого. (О борьбѣ Оскольда и Дири съ Древлянами и Уличами Никоновская не упоминаетъ). Слѣдовательно можно допускать существованіе третьяго текста, до насы не дошедшаго, который, быть можетъ, и былъ первоначальнымъ, быть можетъ, всего лучше сохранился въ недошедшемъ до насы началѣ Новгородской харатейной—„древнѣйшемъ памятникѣ нашего лѣтописанія“ и легъ въ основу какъ древнѣйшей Кіевской лѣтописи, сохранившейся въ Никоновскомъ списѣ, такъ и воз-

можного сокращенія этого древнѣйшаго текста, сохранившагося въ спискѣ Археографической Комиссіи Новгородской лѣтописи.

Оба эти текста, сходные по содержанію, облипаютъ одно время и прерываются на одномъ мѣстѣ: на извѣстіи о передвиженіи Угличей, при чёмъ оканчиваются одинаковыми выраженіями: по семъ („послѣди“ Ник.) скажемъ („приключавшихся лѣтѣхъ“ Новг.).

Наконецъ, въ обоихъ за этимъ слѣдуетъ одинаковый перерывъ около 30 лѣтъ.

Въ виду этого грань, указанную Срезневскимъ на 940-хъ годахъ, слѣдуетъ передвинуть къ первымъ годамъ второго десятка X в. Здѣсь надо думать, и оканчивалась древнѣйшая первая наша лѣтопись.

4) О характерѣ и содержаніи ея даютъ возможность судить указанные предполагаемые ея списки въ Никоновской и Новгородской, а еще болѣе включеніе болгарско-византійскихъ событій, доказывающихъ несомнѣнно, что центръ тяжести содержанія этой древнѣйшей лѣтописи лежацъ на югѣ.

А если принять во вниманіе, что дошедшая до насъ форма лѣтописей представляетъ результатъ весьма сложнаго процесса (различнаго рода записи—краткія и болѣе подробныя, ихъ сводка съ другимъ вѣроятно годовымъ распределеніемъ, чѣмъ теперь; передѣлка годовой сѣти) то, кажется, врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ во 1-хъ, что древнѣйшая наши записи должны быть отнесены ко времени гораздо болѣе древнему, чѣмъ это обыкновенно предполагается¹⁾.

¹⁾ Эта мысль, впервые выраженная Татищевымъ, настойчиво высказывалось Срезневскимъ, („Изслѣдованія“ и „Чтенія“). Трудъ акад. Бестужева-Рюмина, составившій эпоху въ изученіи нашего лѣтописанія, пріурочилъ время составленія Свода „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ (название это до сихъ поръ употребляется у насъ не точно) къ XII в. И это несомнѣнно такъ, если имѣть въ виду тексты сводовъ, подлежащихъ преимущественному вниманію автора изслѣдованія „О составѣ русскихъ лѣтописей“. Но акад. Бестужевъ-Рюминъ не упустилъ изъ виду особенностей Кіевскихъ записей Ник. Списка, подробнѣе развила мысль Срезневскаго о возможности другого характера

Во 2-хъ, Болгарско-византійскія записи древнѣйшей части лѣтописей показываютъ, что онѣ могли возникнуть въ обстановкѣ русской исторической жизни совсѣмъ другого рода, чѣмъ та, которую представляютъ намъ своды древнѣйшіе по времени, но не по тексту; что картина русской исторической жизни, рисуемая этими сводами, представляетъ не начало нашей исторіи, а начало конца первого периода нашей исторической жизни.

Однимъ словомъ, я считаю возможнымъ предполагать, что въ неизвѣстныхъ намъ древнѣйшихъ записяхъ и въ несохранившемся древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ, изъ котораго составлена первая часть Никоновской и Новгородской, связь Киева съ Карпатско-Дунайской Русью могла выступать еще ярче, чѣмъ это даетъ основаніе предполагать сохранившееся въ главнѣйшихъ спискахъ хитрое обращеніе Олега къ Оскольду и Диру.

Выраженіе „гость есмь подугорскій“ должно было быть во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ, ибо оно сохранилось во всѣхъ спискахъ кромѣ позднѣйшихъ по тексту, хотя и древнѣйшихъ (изъ дошедшихъ до насъ) по времени, да и въ этихъ спискахъ якобы болѣе точное обозначеніе мѣста остановки Олега („приплу подъ Угорское“) вместо общаго „приде къ горамъ Киевскимъ“ (сохраняемаго и въ Радз.), представляетъ если не искаженіе ставшаго непонятнымъ „гость подугорскій“, то во всякомъ случаѣ вставку болѣе позднюю, ибо само уроцище кievskое во время катастрофы не называлась „Угорскимъ“¹⁾.

Смыслъ Олеговой хитрости объясняется существующимъ и

ра древнѣйшей лѣтописной сѣти. Эти плодотворныя мысли должны были подлежать дальнѣйшему обоснованію и развитію. Какъ мало, однако, подготовлена была наша наука къ воспріятію этихъ мыслей доказываются статьи Разсудова, Ламбина и Купика.

1) Это ясно доказываетъ выраженіе „еже ся нынѣ зоветь Угорское“. По замѣчанію Ламбина, „нынѣ“ въ лѣтописномъ употребленіи обозначаетъ то, что существовало во время писанія, но чего еще не было во время описываемаго факта. Что название — Угорское — не имѣло никакого отношенія къ Уграмъ, лучше всего показываютъ подобименные хоро- и топографическія названія: р. Угерка, Угрускъ и др. Ср. также Д. И. Иловайскій, Исторія II, пр. I.

понынѣ названіемъ части Карпатской территории. — Подгорье, — которое въ древности, быть можетъ, звучало какъ Подугорье. Теорія Угорско-Мадьярскаго происхожденія Оскольда и Дира высказанная Эверсомъ и по недоразумѣнію поддержанная Гедеоновымъ¹⁾, конечно дика, по теоріи подугорского, т. е. Карпато-русскаго происхожденія первыхъ несомнѣнныхъ русскихъ князей въ Киевѣ, послѣ всего сказанаго, врядъ ли можетъ быть серьезно оспариваема.

Я указалъ главнѣйшія данныя, относящіяся къ вопросу о русскомъ имени на Карпатахъ. Въ окончательномъ выводѣ я считаю возможнымъ положительно утверждать, что нынѣшняя Угорская Русь представляетъ лишь незначительный слѣдъ далекаго прошлаго. — Тѣмъ болѣе важенъ этотъ слѣдъ, тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ онъ со стороны нашей науки.

Только на Карпатахъ русская историческая наука можетъ найти твердую почву для объясненія началъ Киевской государственности²⁾.

1) Было бы въ интересно знать, остался ли Гедеоновъ при своемъ мѣнѣ и въ рукописномъ изслѣдованіи объ Угорской Руси? Кстати замѣчу, что рукописные и слѣд. никому недоступные труды объ Угорской Руси Венелина и Гедеонова, по именамъ авторовъ и важности предмета заслуживали бы нѣсколько большаго вниманія со стороны нашей Академіи Наукъ, которая, кажется, могла бы имѣть ихъ въ своемъ распоряженіи безъ особеннаго затрудненія. Обѣ рукописи должны быть хорошо извѣстны акад. Кунику. О трудѣ Венелина почетный академикъ говоритъ слѣдующее: „Unter seinen Papieren befindet sich eine Abhandlung über das ungrische Russinenland, welche vielleicht das einzige Erträgliche sein wird, was er je geschrieben hat. Berufung 1, 172.—Рукописи Гедеонова разбиралъ тотъ же акад. Куникъ, Иконниковъ, Опытъ, 1329.

2) Считаю не лишнимъ напомнить соображенія проф. Кочубинскаго. — „Если необходимо признать особенную фонетическую и формальную близость словацкаго нарѣчія чешскаго языка къ нарѣчіямъ русскаго языка, то справедливо видѣть въ рѣчи бѣдныхъ обитателей Карпатъ звено, связующее языки крайнихъ славянъ запада и востока — Чеховъ и Русскихъ. Если, съ другой стороны, принять во вниманіе, что современное словацкое нарѣчіе представляетъ въ извѣстномъ смыслѣ

Всестороннее обслѣдованіе древняго Кіевскаго періода до смерти Владимира Святого можетъ дать, думается мнѣ, очень много прямыхъ историческихъ указаний, подтверждающихъ предлагаемую мною мысль. Вспомнимъ, что мы совсѣмъ не знаемъ, гдѣ пролегала русско-чешская граница свято-Владиміровой Руси, о которой вполнѣ определенно говорить лѣтопись.

На Карпатахъ русская историческая-наука имѣетъ трудныя, но широкія и благодарныя задачи. Если она желаетъ сохранить за собой честь и достоинство дѣйствительной науки, она должна пойти на встрѣчу этимъ задачамъ. 50 лѣтъ назадъ, пожалуй, можно было извинять въ научномъ изслѣдованіи такую нпр. беззаботность, относительно Угорской Руси: „*Da ich noch nicht annehmen kann, dass der östliche oder heutige russische Zweig der Slawenwelt vor dem Einfall der Ungarn in Pannonien wirklich bis au die Donau reichte, so erkläre ich mich auch entschieden gegen jene Ansicht, als seien einzelne sogenannte Russendorfer im Inneren Ungarns und Siebenbürgens slawische Oasen, deren Bevölkerung und Namen sich seit uralten Zeiten herschreiben. Um zu zeigen, wie wenig ich von jenen Urrussen besorge, will ich selbst noch näher darauf aufmerksam machen, dass in sehr vielen Strichen Ungarns und Siebenbürgens wirklich vereinzelte russische Ansiedlungen existirten, die aber zum Theil schon entrussirt sind oder in der Gegenvart immer mehr ihrer Magyarisirung oder Germanisirung entgegen gehen.*“ (Beruf. 1, 178). Въ чёмъ эта „беззаботность“ можетъ найти себѣ извиненіе теперь? Въ настоящее время можно считать неподле-

слѣ собственно чешское нарѣчіе въ его древнѣйшей формѣ, XI—XIII в., то можно даже допустить, что чешско- словацко-русскій языкъ есть говоръ одной обширной народной семьи, члены которой связаны между собою болѣе тѣсными узами, чѣмъ кто либо изъ нихъ съ своими со-племенниками на сѣверъ и югъ“. Зап. Новор. Ун., XIII, 123. Тоже у Гедеонова: „безъ пособія чешскаго языка нельзя обойтись для уразумѣнія древне-русскихъ памятниковъ; древне-чешскіе памятники не требуютъ знанія русскаго языка (Вар и Р, 343). Уже въ 1834 обѣ этомъ догадывался Каченовскій. Теперь этихъ вопросовъ у насъ совсѣмъ не касаются. Почему?

жащимъ ни малѣйшему сомнѣнію, что русское племя и русское имя явилось за Карпатами не съ XIV в. (съ Коріатовичемъ), не съ XII в., какъ слѣдствіе бѣгства русскаго народа передъ Татарами, не одновременно съ появленіемъ Угровъ, а раньше, и слѣдовательно, если пребываніе Русскихъ на Карпатахъ и въ прилегающей къ нимъ Угорской равнинѣ не укладывается въ рамки существующихъ даже и теперь научныхъ взглядовъ¹⁾, то это доказываетъ только узость и искусственность этихъ рамокъ. — Повторяю: если наша наука желаетъ сохранить за собою честь и достоинство дѣйствительной науки, она должна не избѣгать связанныхъ съ Карпатами вопросовъ, а поставить ихъ на ближайшую очередь.

Только что приведенные слова ак. Куника о мадьяризаціи, германизаціи и — прибавлю отъ себя полонизаціи и румынизаціи русскихъ на Карпатахъ²⁾ подводятъ насъ ко второму вопросу

¹⁾ Особенно яркимъ представителемъ ихъ является профессоръ А. Калина, *Studyja nad historyą języka bułgarskiego, Rozprawy wydz. filg.*, XIV—XV, Krak. 1891.

²⁾ Эти факты политического характера имѣютъ важное значеніе и для науки вотъ въ какомъ отношеніи: рядомъ съ мадьяризаціей и румынизаціей, а отчасти и полонизаціей идетъ измѣненіе или прямая замѣна и номенклатуры, даже хорографической: Ясинье становится Körös-Mezö, Червеница — Vörös-Vagar, Яблунь — Nagy-Almas, Дравцы — Daróch, Дубовинка — Tölgyes-falu, Хижя — Kis-Tarna, Подгорье — Varallya, Вороново — Varannó, Теребишово — Töke-Terebes. Нѣсколько знакомый съ положеніемъ дѣль Угорской Руси по личнымъ впечатлѣніямъ, я беру смѣлость рѣшительно утверждать, что черезъ какихъ нибудь 50 лѣтъ нынѣшняя сплошная русская территорія Угрии будетъ имѣть такой же видъ, какой имѣеть теперь Угорская равница. Въ настоящее время насчитываютъ 400 словъ мадьярскихъ въ современномъ языкѣ угроруссовъ, причемъ 50 *члаполовъ*, заимствуются мадьярскіе суффиксы, прилагаемыя къ славянскимъ словамъ; перенимаются слова, первоначально приняты Мадьярами отъ Славянъ, но уже, понятно, въ мадьярской формѣ. Такихъ словъ насчитываютъ 14. Наконецъ Русскіе начинаютъ пѣть переводныя мадьярскія пѣсни, причемъ нѣкоторыя мѣста сохраняются въ мадьярскомъ подлинникѣ *Lad Csorpey, Ungar. Revue* 1881, 547. Такую пѣсню мнѣ дѣйствительно привелось слышать въ окрестностяхъ Мукачева. На угорскихъ на

исторической науки, связанному съ Угорской Русью: вопросу о передвижении народностей съ Карпатъ въ нынѣшнюю южную Русь. Этого вопроса я коснусь лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Сторонники мысли, о такомъ передвижении — Погодинъ прежде, А. И. Соболевскій теперь — основываютъ её на данныхъ языка. Историкъ обязанъ принимать эти данные къ свѣдѣнію; судить о нихъ дѣйствительномъ значеніи онъ въ большинствѣ случаевъ далеко не компетентенъ.

Что касается однако данного вопроса то историкъ можетъ сохранить здѣсь полную свободу и самостоятельность сужденія, такъ какъ мнѣніе проф. Соболевскаго въ извѣстной мѣрѣ парализуется противоположнымъ мнѣніемъ ак. Ягича.

Такимъ образомъ, до выясненія вопроса по даннымъ языка, историкъ можетъ свободно обсуждать вопросъ съ точки зрењія сообразности его съ наличными историческими фактами. Изъ историковъ проф. Соболевскому возражалъ В. Б. Антоновичъ, указавъ именно на то, что „теорія колонизаціи, какъ она указана г. Соболевскимъ не оправдывается извѣстными фактами исторіи“¹⁾.

Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о вліянії Татарского погрома на населенность ю.-з. Руси. Вопросъ этотъ выясняется въ наукѣ преимущественно въ томъ смыслѣ, что Татарщина не имѣла особенного значенія въ этомъ отношеніи.

Допустимъ, что это такъ. Исключается ли этимъ возможность колонизаціи на которую указываетъ проф. Соболевскій? По моему, никакъ. Исторія не можетъ опредѣлить момента передвиженія населенія съ Карпатъ въ ю.-з. Русь, но вѣдь такъ же точно исторія не можетъ опредѣлить момента русской колонизаціи сѣв.-вост. Руси. Тѣмъ не менѣе никому изъ историковъ не придетъ въ голову отрицать ее. Передвиженіе русскаго населения съ ю.-з. на сѣв.-вост., составляеть фактъ, подтверждаемый

шихъ соотечественникахъ лежитъ обязанность сохранить славяно-русскія названія по крайней мѣрѣ въ записи. Больше ничего, при ихъ положеніи, требовать нельзя.

¹⁾ Членія въ Общ. Нестора, II; 217.

всѣмъ ходомъ русской исторической жизни, иначе говоря, фактъ несомнѣнныи, но онъ не такого рода, чтобы его можно было прѣурочить къ извѣстному моменту.

Напомню кстати замѣчаніе К. Иречка по поводу не отмѣченаго въ источникахъ времени заселенія Славянами балканскаго полуострова „Das sich über diese allmählige Colonisation bei den Zeitgenossen keine Aufzeichnung vorfinden, kann nicht auffallen. Es zogen um eines ganz analogen Falles aus neuerer und neuester Zeit zu gedenken, im XVII Jahrhundert Hunderttausende von Serben aus Alt-Serbien am Amselfelde in den Banat und nach Süd-Russland, und in unserem Jahrhunderte wanderten Hunderttausende von Bulgaren aus ihrer Heimat nach Serbien, in die Walachei, nach der Moldau, nach Bessarabien, ohne dass europaische Statistiker und Historiker genaue Aufzeichnungen darüber vorgenommen hattent¹⁾).

Впрочемъ относительно занимающаго насть вопроса есть иѣ-которыя указанія: русскія извѣстія упоминаютъ о прибытии изъ Киева въ Москву знатныхъ бояръ, какъ напр. Радионъ Несторовичъ въ концѣ XIII—XIV в. Конечно, переливъ массъ естественно не могъ быть отмѣченъ тогдашними источниками, такъ какъ для нихъ это былъ фактъ весьма мало интересный да и вовсе не слѣдуетъ представлять себѣ при этомъ что-то въ родѣ переселенія народовъ. Это былъ именно переливъ, постоянный, а потому и незамѣтный, а по крайней мѣрѣ не поражавшій. Длugoшъ (подъ 1442 г.) указываетъ на бѣгство русскаго народа изъ Галиціи на востокъ къ Татарамъ.

Если ко всему этому принять во вниманіе оттѣсненіе Мадьярами русскаго населенія съ нынѣшней угорской равнины, переселеніе румынъ съ балканскаго полуострова и возникновеніе румынскихъ государствъ на нижнемъ Дунаѣ и южныхъ склонахъ Карпатъ, то мнѣніе проф. Соболевскаго окажется заслуживающимъ самаго серьезнаго вниманія русскихъ историковъ.

Проф. И. Филевичъ.

¹⁾ C. J. Jireček, Gesch. d. Bulgaren, Prag, 1876, 80.

RETURN CIRCULATION DEPARTMENT
TO → 202 Main Library

LOAN PERIOD 1	2	3
HOME USE		
4	5	6

NRLF

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS

Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.

Books may be Renewed by calling 642-3405

DUE AS STAMPED BELOW

UNIVERSITY
BER

FORM NO. DD6

GAYLAMOUNT
PAMPHLET BINDER

Manufactured by
GAYLORD BROS. Inc.
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

YD-43476
U. C. BERKELEY LIBRARIES

C047137219

M303833

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

